

Роберт Стивенсон

Джанет продала душу дьяволу

Роберт Льюис Стивенсон
Джанет продала душу дьяволу

«Public Domain»

1881

Стивенсон Р.

Джанет продала душу дьяволу / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1881

«Достопочтенный Мордух Соулис долгие годы был пастором в Больвирийском приходе, расположенном на болотах низменной долины реки Дьюль. Это был строгий, суровый, мрачного вид смуглолицый старик, наводивший страх и трепет на всех своих прихожан. Последние годы своей жизни он жил в совершенном одиночестве, не имея подле себя ни родных, ни близких, ни прислуги, ни какого бы то ни было человеческого общества; словом, ни одной живой души! Так и жил он один-одинешенек в своем маленьком пасторском домике, уединенно стоявшем в стороне, приютившись под нависшей над ним скалой, прозванной „Висячий Шоу“. Несмотря на странную, почти полную неподвижность его словно застывшего лица, напоминавшего маску, глаза его постоянно тревожно блуждали по сторонам, как будто озирались, и дико сверкали из-под нависших бровей...»

Содержание

Джанет продала душу дьяволу	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Роберт Стивенсон

Джанет продала душу дьяволу

* * *

Джанет продала душу дьяволу

Достопочтенный Мордух Соулис долгие годы был пастором в Больвирийском приходе, расположенном на болотах низменной долины реки Дьюль. Это был строгий, суровый, мрачного вид смуглолицый старик, наводивший страх и трепет на всех своих прихожан. Последние годы своей жизни он жил в совершенном одиночестве, не имея подле себя ни родных, ни близких, ни прислуги, ни какого бы то ни было человеческого общества; словом, ни одной живой души! Так и жил он один-одинешенек в своем маленьком пасторском домике, уединенно стоявшем в стороне, приютившись под нависшей над ним скалой, прозванной «Висячий Шоу». Несмотря на странную, почти полную неподвижность его словно застывшего лица, напоминавшего маску, глаза его постоянно тревожно блуждали по сторонам, как будто озирались, и дико сверкали из-под нависших бровей. Когда во время исповеди взгляд его останавливался на кающемся, которого он по долгу службы обыкновенно строго увещевал, и внушительно говорил о будущей жизни и о том, что ждет там, за гробом, нераскаявшихся грешников, то исповедующемуся начинало казаться, что его взгляд проникает в даль будущего и видит там ужасы вечных мук, уготованных грешникам. Многие молодые люди, приходившие к нему готовиться к первому приобщению Святых Тайн, оставались глубоко потрясенными его речами и наставлениями на долгое время.

Каждый год, в первое воскресенье после семнадцатого августа, он имел обыкновение говорить проповедь на тему «Дьявол как лев рыкающий», и в этот день он старался всегда превзойти себя, как в силе развития этой и без того уже столь устрашающей темы, приводившей в ужас и трепет его паству, так и по неистовству своего поведения на кафедре в этот день. С детьми от страха случались припадки, многие падали без чувств, взрослые и старики буквально цепенели от ужаса и смотрели мрачно и таинственно, а после того весь день говорили теми странными намеками, какими любил выражаться Гамлет.

Люди осторожные, хвалящиеся своим благоразумием, еще с самого начала водворения мистера Соулиса на должность пастора этого прихода стали обходить в сумерки и в поздний вечерний час дом пастора. Даже и то место, где стоял дом в тени нескольких старых толстых деревьев, над самой рекой Дьюль, с нависшим над ним с одной стороны угрюмым утесом Шоу, а другой стороной обращенной к громоздившимся чуть не к самому небу, поросшим мхом вершинам мрачных, холодных гор, считалось недобрым среди населения. Даже проводники, сидя вечером в маленькой таверне местечка, сокрушенно качали головами при мысли о необходимости пройти поздно вечером или ночью мимо этого нечистого места. Особенно недоверчиво поглядывали люди там на одно небольшое пространство у самого дома; это местечко пользовалось скверной репутацией и внушало людям какой-то особенно суеверный страх.

Сам дом пастора стоял между большой проезжей дорогой и рекой; одной стороной к дороге, а другой к реке. Задний фасад его был обращен к городку Больвири, лежащему в полу-миле расстояния от дома, а передний фасад выходил в обнесенный живой изгородью из терновника жалкий, запущенный сад. Сад этот занимал все пространство от дороги до реки, а дом стоял как раз посередине; дом был в два этажа, и в каждом этаже по две большие хорошие комнаты; он выходил не прямо в сад, а на узкую насыпную дорожку, упирающуюся одним концом в большую дорогу, а другим доходившую до старых ив и бузины, росших на берегу реки. Вот именно эта дорожка, этот небольшой кусочек шоссе перед окнами пасторского дома и пользовался среди юных прихожан Больвирийского прихода особенно дурной славой. Но пастор часто по вечерам, когда уже стемнеет, ходил по ней долго взад и вперед, иногда громко вздыхая от полноты чувств, вознося к Богу усердную молитву без слов. Когда же его не бывало дома, и люди знали, что пастор находится в отсутствии, потому что на дверях дома висел замок, самые отчаянные смельчаки из школьников отваживались, крикнув предварительно товари-

щам: «Ребята, за мной!», пробежать по этой дорожке, чтобы потом хвастать перед другими, что они побывали на страшном месте.

Эта атмосфера суеверного ужаса, окружавшая, как это было в данном случае, служителя Божия, человека во всех отношениях безупречного, высокорелигиозного, даже праведного, возбуждала постоянно удивление и недоумение и вызывала бесконечные расспросы со стороны всех тех немногих приезжих посторонних лиц, которые случайно или по делам заезжали в эту захолустную малоизвестную местность. Впрочем, многие даже из прихожан этого прихода не знали ничего о странных событиях, ознаменовавших первый год служения мистера Соулиса в этом приходе, а среди тех, кто был лучше осведомлен об этом, многие были по природе своей люди необщительные и воздержанные на язык, другие же просто боялись касаться этого предмета и избегали говорить о нем. Только в кои веки раз кто-нибудь из стариков расхрабрится после третьего стаканчика, и когда вино развяжет ему язык, возьмет да и расскажет, какая тому причина, что у пастора всегда такой угрюмый мрачный вид и почему он живет в таком одиночестве, как какой-нибудь отшельник.

Пять-десять лет тому назад, когда в Больвири впервые прибыл мистер Соулис, он был еще совсем молодой человек, начитанный, ученый, как говорили люди, преисполненный всякого книжного знания и притом еще великий краснбай и усердный толкователь всяких писаний, но, как того и следовало ожидать от человека столь молодых лет, он при всем этом был совершенно неопытен в деле религии, а ведь это для пастора самое главное! Молодежь всего прихода была прямо-таки в восторге от него; она превозносила его звание, его образованность, дар слова, его вдохновенную речь и все другие его таланты и способности, но старики и серьезные, степенные люди, как мужчины, так и женщины, неодобрительно покачивали головами, и вскоре дело дошло до того, что богобоязненные люди стали возносить молитвы Богу об этом неразумном молодом человеке, моля Господа вразумить его; они считали его за человека самообольщенного, заблудшего, лишеного всякого христианского смирения, а также молили Бога и за бедную паству, порученную такому плохому и ненадежному руководителю. Это было еще до торжества и победы «умеренных», но ведь все дурное никогда не приходит разом, а мало-помалу, капля за каплей, частичка за частичкой. Впрочем, и тогда уже были люди, которые говорили, что Господь отвернулся от профессоров в колледжах и предоставил их своим заблуждениям и собственному слабому разуму и что потому юноши, отправляющиеся учиться в колледжах у этих профессоров и набираться от них ума-разума, лучше сделали бы, если бы остались дома и засели копать торф на болотах, как их предшественники до времен гонения, у которых всегда была библия под мышкой, а в сердце доброе молитвенное настроение. Во всяком случае, не подлежало сомнению, что мистер Соулис пробыл слишком долго в колледже. Он очень много думал и заботился о таких вещах, которые, в сущности, были вовсе не нужны. Он привез с собой целый ворох книг, гораздо больше, чем их когда-либо видели здесь, в этом приходе. О, сколько горя и беды с ними натерпелись возчики, они чуть было совсем не завязли с ними в болоте, у Чертова Логовища, на полпути между нашим местечком и Кильмаккерли. Говорят, что все это были божественные книги, или, быть может, их только так называли, кто их знает!.. Но люди серьезные и рассудительные были того мнения, что все это пустое. Какая могла быть надобность и польза в стольких божественных книгах, когда все слово Божье можно унести в одном небольшом узелке. И сидел он, бывало, над этими книгами целыми днями, а часто даже и ночами, что едва ли приличествовало его званию, и все писал что-то, все писал... Сначала все было переполошились; испугались, что он станет, пожалуй, проповеди свои по книгам читать, но вскоре успокоились: оказалось, что он сам какую-то книгу пишет, что уж, конечно, было совсем непристойно и неприлично для пастора, да и что мог он написать путного в его возрасте и с его малым опытом.

Но вот понадобилась ему какая-нибудь старая приличная женщина, чтобы смотреть за порядком в его доме, вести хозяйство и кормить его обедом; кто-то порекомендовал ему ста-

рую негодницу Джанет Мак-Клоур, так ее звали все в нашем местечке, порекомендовал, а затем предоставил ему самому решить, на ком остановить свой выбор. Многие пытались отсоветовать ему брать к себе в дом эту женщину, потому что Джанет была более чем в подозрении у большинства лучших людей в Больвири. Еще давно когда-то она питала нежные чувства к одному драгуну, а затем чуть не тридцать лет не ходила к исповеди и к причастию; кроме того, некоторые парни видели, как она шатается одна в сумерки и даже поздно вечером по таким местам, куда ни одна порядочная и богобоязненная женщина и заглянуть не решится, и все ходит и бормочет что-то про себя, а что, никто разобрать не может! Ну, как бы то ни было, а указал на нее первым пастору наш местный лорд. В ту пору мистер Соулис так дружил с лордом, что не было на свете такой вещи, которой бы он не сделал в угоду лорду. Когда люди говорили ему, что Джанет сродни дьяволу и что она предалась нечистому, то мистер Соулис отвечал, что все это вздор, глупые суеверия; вот какого он был тогда мнения о таких вещах; а когда перед ним раскрыли библию на том месте, где упоминается об Эндорской колдунье, он захлопнул книгу и сказал, что те времена давно прошли, что никаких колдуний на свете больше нет и что теперь милостию Божьей дьявол укрощен и побежден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.